

- Так ты в конце концов его отпугнул, уродец? — услышал он за спиной жестокий смешок.
- Оставьте меня в покое, Дадли.
- Слышали? Уродец хочет, чтобы мы оставили его в покое.
- Бедный маленький Гарри Поттер — разве ты не побежишь?
- Тебе следует быть осторожнее, как ты с нами разговариваешь, уродец. Стюарта здесь нет, чтобы тебя защитить.
- Прекратите... пожалуйста.
- "Пожалуйста, — безжалостно передразнил его Дадли, — Не говори нам, что делать, уродец!"

Гарри был слишком измотан, чтобы убежать. Он слишком смирился, чтобы сопротивляться. Он был слишком избитым, чтобы заботиться о том, когда начали сыпаться удары.

«Опять это».

Он не издал ни звука, не шевельнулся, когда кулаки били по его лицу и ребрам снова, и снова, и снова, каждый удар вынуждал его с хрипом выдыхать воздух из легких. Он не знал, когда оказался на земле, когда удары кулаками сменились пинками. Больно. Так больно. Но он был бессилен остановить их, как всегда. Он ничего не мог сделать — он ничего не хотел делать. Он желал, чтобы это просто закончилось.

Он желал не проснуться на следующее утро одиноким и покрытым синяками. «Не стоит этого». С ностальгическим осознанием на него снова нахлынула волна тошноты. Ничего не становилось лучше, никогда не становилось лучше. Он с рыданием выкашлял кровь, когда очередной пинок пришелся в плечо. Если они продолжат это достаточно долго, убьют ли они его? Будут ли они знать, когда остановиться? Может, и нет.

«И, возможно, так будет лучше», — подумал он, несмотря на сильный страх, охвативший его. Возможно, Гарри Поттеру, наконец, настанет конец — возможно, он никогда не принадлежал этому миру, возможно, он никогда не был предназначен для жизни, и это просто судьба. Эта мысль была одновременно и ужасающей, и утешительной, и, если быть совсем честным с самим собой, в тот самый момент ему казалось, что умереть не будет так уж плохо.

«Может быть, я заслуживаю смерти. Может, мне не следовало родиться».

Но как только эта мысль пришла ему в голову, что-то изменилось. Что-то пошло совсем не так.

Мучительная боль вспыхнула в его лбу, и когда его тело свело судорогой, он не смог сдержать ужасающий крик, рвущийся из горла. Он не мог думать, не мог двигаться; он тонул, разум

вита́л где-то далеко, пока крики раздирали ему горло, а кровь струилась по лбу на заснеженную землю.

Потом все резко остановилось. Все остановилось. Боль в голове, крики, пинки — все остановилось.

И тогда Гарри испытал нечто, чего никогда раньше не испытывал. В то время как Дадли и его друзья смотрели в шоке, без сомнения обеспокоенные его криками, он почувствовал, как его тело двигается само по себе, мышцы напрягаются, когда он медленно поднялся на ноги, несмотря на боль, исходящую от каждого сустава, каждой мышцы и каждого сухожилия в его теле.

Он чувствовал боль и холод, но это был не он сам. Он был где-то далеко от собственной кожи. Он был не более чем марионеткой. Избитой, окровавленной марионеткой.

Он был совсем не готов к тому, что произошло дальше — он рассмеялся. Кукловод, очевидно, был невосприимчив к боли, не колеблясь ни секунды, он удвоил смех, все его тело содрогалось от веселья. Но это не был веселый смех, он не был радостным — это не был смех Гарри. Это был холодный, высокий, насмешливый звук, полный злобного восторга. Потом он прекратился, и снова воцарилась тишина.

— Вы, отвратительные, грязные маглы.

Голос был его — он слышал его много раз раньше, — и все же не его. В этом голосе было что-то твердое и ледяное, голос, который был не более чем подобием детского сопрано Гарри, замерзший и ледяной самым неприятным образом.

— Вы осмеливаетесь причинять вред этому ребенку, в чьих венах течет самая могущественная магия? Вы — не более чем насекомые — осмелились даже прикоснуться к этому ребенку, чья кровь священна, самый чистый эликсир по сравнению с той отвратительной слизью, что дает жизнь вашим жалким формам?

Он почувствовал, как его тело выпрямилось, осанка - гордая и высокая. — Вы совершили преступление против природы, и за это преступление вы должны быть наказаны.

Что-то сдвинулось внутри Гарри, и что-то уродливое исказилось глубоко в его груди, злое чувство, которого он никогда раньше не испытывал. Непроизвольно жестокий восторг вырвался изнутри него, и он ничего не мог поделать, только смотреть в шоке, как Дадли и его три друга корчатся на земле, беззвучные крики изливаются из их губ, пока он с блаженством впитывал силу, пульсирующую в воздухе вокруг него, покаявая кожу, как статическое электричество. Он испытал удовольствие. И он это ненавидел.

Он не знал, сколько времени наблюдал за мучениями своих мучителей, но после того, что показалось часами, все прекратилось, и улица, а вместе с ней и его разум, погрузились в

молчание снова.

Гарри испугался — он был напуган. Он никогда раньше не был так напуган. Он был уверен, что если бы контролировал свое тело, то упал бы на землю, рыдая и с трудом дыша. Что с ним происходило?

Боль снова сжала его, когда его тело снова по своей воле двинулось вперед, ступив через распростертую и трепещущую форму Дадли Дурсля и опустившись на колени перед ним.

Последнее, что услышал Гарри, было слово: «Обливиэйт».

<http://tl.rulate.ru/book/105065/3756677>